

Татьяна Петровна Третьякова
Санкт-Петербургский государственный университет,
tretyakova.tp.50@gmail.com

Андрей Васильевич Куницын
Санкт-Петербургский государственный университет,
andrewandrewsfedu@gmail.com

КОНТАМИНИРОВАННАЯ РЕЧЬ КАК МАРКЕР КОММУНИКАТИВНОЙ НЕУДАЧИ В ОРИГИНАЛЕ И ПЕРЕВОДЕ

Аннотация

Настоящая статья посвящена исследованию роли контаминированной речи в раскрытии взаимоотношений между персонажами художественного произведения в оригинале и переводе. В качестве материала исследования использованы произведения Джека Лондона – «Мартин Иден» (1909 г.) и «Алая чума» (1910 г.) и их переводы на русский язык. В качестве основной посылки для исследования было введено понятие нормы, которая по-разному интерпретировалась участниками диалога. В ходе исследования были выявлены две коммуникативные модели, связанные с разным уровнем образования коммуникантов – диалог-спор и диалог-объяснение. При анализе оригинала и перевода использовался метод бинарной оппозиции, связанный с противопоставлением контаминированной и неконтаминированной речи как маркированного и немаркированного членов оппозиции.

Ключевые слова: контаминированная речь, социальный статус, диалог, коммуникативные неудачи, переводческий эквивалент

Tatyana P. Tretyakova
St. Petersburg State University
tretyakova.tp.50@gmail.com

Andrey V. Kunitsin
St. Petersburg State University
andrewandrewsfedu@gmail.com

CONTAMINATED SPEECH AS A MARKER OF COMMUNICATION
FAILURE IN ORIGINAL AND TRANSLATION

Abstract

This article is concerned with the study of the role of contaminated speech in revealing the relationship between the characters of a work of fiction in the original and in translation. The material used for the study is the works of Jack London - "Martin Eden" (1909) and "The Scarlet Plague" (1910) and their translations into Russian. The concept of norm was introduced as the main premise for the study, which was interpreted differently by the participants of the dialogue. In the course of the research, two communicative models associated with different levels of education of the communicants were identified - the dialogue-argument and the dialogue- and dialogue-explanation. When analyzing the original and the translation, the method of binary opposition was used, associated with the opposition of contaminated and non-contaminated speech as marked and unmarked members of the opposition.

Key words: contaminated speech, social status, dialogue, communication failures, translation equivalent

Целью настоящей статьи является освещение тех проблем переводческого исследования контаминированной речи в художественном тексте, которые особенно существенны для раскрытия межличностных отношений между персонажами художественного произведения.

Проблема передачи контаминированной речи при переводе впервые была поставлена одним из основоположников отечественной теории перевода Я.И. Рецкером [Рецкер, 1968, с. 92]. Однако до настоящего времени не проводилось исследований в отношении поиска адекватности перевода высказываний в которых есть контаминированные единицы языка (контаминанты) в отношении определения их роли в процессе интеракции.

Под контаминированной речью понимается намеренно или ненамеренно искаженная речь, содержащая отклонения от норм (фонетических, лексических и грамматических) [Рецкер, 1968, с. 92]. Использование контаминированной речи уже само без развернутых пояснений маркирует социальный статус говорящего, территориально-диалектальную отнесенность, профессиональную принадлежность или нахождение в необычной ситуации, а также на его национальность, в случае, если язык произведения не является для него родным.

Во многих случаях контаминанты, «не расшифровываются» в рамках диалогического общения собеседниками, что может привести к коммуникативным неудачам, т.е. к «сбою» в нарушении Принципа Кооперации, который учитывается при прагмалингвистическом анализе процесса коммуникации.

В качестве материала исследования использованы диалогические тексты из произведений Джека Лондона – «Мартин Иден» (1909 г.) и «Алая чума» (1910 г.) и их переводы на русский язык, сделанные Р. Облонской в 1984 г. и Г. Злобиным в 1961 г. соответственно.

Анализ данных текстов показал, что представление контаминированной речи Джек Лондон использует чаще всего для представления социолингвистического портрета персонажа, и прежде всего его социального статуса.

Понятие социального статуса как элемента социальной стратификации [Weber, 1978, pp. 927-937] было введено в широкий научный обиход немецким социологом Максом Вебером, в работах которого статус, класс и власть выступают в качестве основных измерений, в настоящее время широко используется в лингвистике.

Одним из наиболее важных методов социолингвистического анализа является метод корреляции языковых и социальных явлений, то есть соотнесение социальных факторов (статус, принадлежность к определенной группе) и их языковых проявлений (нарушение норм, диалекты, социолекты, жаргон, арготизмы, сленг и т.д.) [Швейцер, 1976, с. 31-41]. О зависимости языковых проявлений от социальных факторов в рамках процесса речевого общения отмечалось в работах многих отечественных лингвистов.

При сопоставлении проявления контаминированной речи с социальным статусом участников коммуникативной ситуации важную роль играет понятие нормы. Для носителей контаминированной речи она является нормой, и наоборот, «правильная» речь воспринимается ими как нечто чужеродное, странное, что может приводить к коммуникативным неудачам. Такая идентификация контаминированной речи намеренно используется авторами художественных произведений для создания определенных образов персонажей,

придания им колорита и в дальнейшем противопоставления их другим персонажам. В данном исследовании используется метод оппозиции – противопоставления реплик персонажей с контаминированной речью (маркированный член оппозиции) репликам персонажей, соблюдающим языковые нормы (немаркированный).

Сопоставительный анализ контаминированных языковых единиц в оригинале (ИЯ), и их соответствия в переводном тексте (ПЯ) в диалогах позволил установить социолингвистические особенности коммуникантов, которые реализуются в двух моделях, по которым строится общение персонажей при возникновении коммуникативной неудачи.

Одной из таких моделей можно считать диалог-спор, в котором имеет место нарушение взаимопонимания между коммуникантами, основанное на невозможности однозначного определения намерений говорящего.

В качестве примера приведем отрывок из произведения Джека Лондона «Алая чума». В нижеприведённом примере происходит диалог между пожилым профессором университета, человеком некогда высокого социального статуса, и его внуками, не имеющими образования. Тема диалога – обсуждение номинации цвета «scarlet vs red».

Таблица 1. Пример 1.

<p><i>“And all because of the Scarlet Death – ”</i> <i><...></i> <i>“He’s always saying that,” <...></i> <i>“What is scarlet?”</i> <i>“<u>The scarlet of the maples can shake me like the cry of bugles going by,</u>”</i> <i><...></i> <i><u>“It’s red. <...></u></i> <i><u>Scarlet is red – I know that.</u>”</i> <i>“Red is red, ain’t it?” <...></i> <i>“Then what’s the good of gettin’ cocky and calling it <u>scarlet</u>?” “Granser,</i></p>	<p>- <i>И все это из-за Алой Смерти...</i> <i><...></i> - <i>Затвердил одно и то же <...></i> <i>Что это такое – алая?</i> - <i>«Волнует так же нас кленовый алый лист, как звук охотничьего рога», <...></i> - <i>Это значит «красный». <...> Ты не знаешь этого, потому что производишь из</i></p>
---	---

<p><i>what for do you always say so much what nobody knows <...></i></p> <p><i>“<u>Scarlet</u> ain’t anything, but red is red. Why don’t you say red, then?”</i></p> <p><i>“Red is not the right word. <...></i> <i>The plague was scarlet. The whole face and body turned scarlet in an hour’s time.</i> <i><...> There is no other word for it.”</i> <i>[London Jack, 1949, chapter 1]</i></p>	<p><i>племени Шофера. А они ничего не знают. «Алый» означает «красный», это точно.</i></p> <p><i>– «Красный» – это «красный», так ведь? Зачем же задаваться и говорить «алый»?</i> <i><...> Дед, почему ты всегда говоришь такие слова, которые никто не понимает? <...> «Алый» ничего не означает, но все знают, что такое «красный». Почему же ты не говоришь «красный»?</i></p> <p><i>– Потому, что это неточно. Чума была алая. За какой-нибудь час все лицо и тело становились алыми. <...> Другого слова нет. [Лондон Джек, 2022, гл. 1]</i></p>
---	---

Между коммуникантами нет взаимопонимания в связи с огромным разрывом в уровне образования. О высокой образованности профессора говорит отсутствие в его речи ошибок, наличие возвышенного стилистического регистра (*scarlet*), цитат из поэзии (он цитирует строку из "Песни бродяги" канадского поэта Блисса Кармена).

Речь внуков примитивна и полна ошибок, что резко контрастирует с речью их деда. Профессор использует дескрипции, референция которых внуками не идентифицируется, так как они не знают их значения. Так, дескрипция *scarlet plague*, ставшая основной темой разговора, непонятна слушателям, потому что регистр их речи ниже, в частности, вместо возвышенного *scarlet* они используют более простое *red*, а вместо *plague* - *death*. Коммуникативная неудача в переводном тексте передана не точно. Контаминаты типа ... *ain’t it?*; *what’s the good of gettin’ cocky*; *Scarlet ain’t anything* и др. передаются немаркированным членом оппозиции *так ведь?* «Алый» ничего не означает. Данный тип перевода

считается неэквивалентным и в нем фактически исчезает противопоставление социального статуса коммуникантов.

Вторая модель представляет собой диалог-объяснение. В следующем примере происходит коммуникация между простым моряком Мартином Иденом и Руфью, девушкой из состоятельной буржуазной семьи, в которую он влюблен. В нем мы наблюдаем столкновение противоположностей в плане уровня образования, проявляющееся в речи – Руфь получает высшее образование, а Мартин не образован.

Таблица 2. Пример 2.

<p><i>"I should say the first thing of all would be to get a grammar. Your grammar is <...> not particularly good." <...></i></p> <p><i>"I know I must talk a lot of slang <u>an'</u> words you don't understand. But then they're the only words I know-how to speak. I've got other words in my mind, picked '<u>em</u> up from books, but I can't pronounce '<u>em</u>, so I don't use '<u>em</u>."</i></p> <p><i>"It isn't what you say, so much as how you say it. You don't mind my being frank, do you? I don't want to hurt you."</i></p> <p><i>"No, no. <...> Fire away. I've got to know, <u>an'</u> I'd sooner know from you than anybody else."</i></p> <p><i>"Well, then, you say, '<u>You was</u>'; it should be, 'You were.' You say '<u>I seen</u>' for 'I saw.' You use the double negative-"</i></p> <p><i>"What's the double negative? <...> You see, I don't even understand your explanations."</i></p> <p><i>"I'm afraid I didn't explain that. <...> Double negative is-let me see-well,</i></p>	<p><i>– Мне кажется прежде всего надо взяться за грамматику. Вы говорите <...> не очень грамотно.</i></p> <p><i><...> – Ну да, по-матросски, и такое словечко, бывает, верну вам не понять. Так ведь одни эти слова мне и даются. В голове-то есть и другие слова... из книжек понабрался... да выговорить не умею, потому и не говорю.</i></p> <p><i>– Дело не столько в том, что вы говорите, сколько в том как именно говорите. Вы не сердитесь, что я с вами откровенная? Я не хочу, вас обидеть.</i></p> <p><i>– Нет-нет! <...> Валяйте. Должен я знать, так уж лучше от вас узнать, чем от кого еще..</i></p>
---	---

<p>you say, <u>'never helped nobody.'</u> 'Never' is a negative. 'Nobody' is another negative. It is a rule that two negatives make a positive. <u>'Never helped nobody'</u> means that, not helping nobody, they must have helped somebody."</p> <p>"That's pretty clear. <...> I never thought of it. But <u>it don't</u> mean they must have helped somebody, does it? Seems to me that <u>'never helped nobody'</u> just naturally fails to say whether or not they helped somebody. I never thought of it before, and I'll never say it again." [London Lack, chapter 7]</p>	<p>– Ну так вот, вы говорите <u>«чем от кого еще»</u> или <u>«кого ни то еще»</u> вместо <u>«кого-нибудь еще»</u>. Вы употребляете тавтологичные сочетания.</p> <p>– А это чего такое? <...> Видите, я даже не пойму, чего вы объясняете.</p> <p>– Боюсь, я просто ничего не объяснила. <...> Вы говорите <u>«более лучше»</u>. Прилагательное «лучший» в сравнительной степени нельзя сочетать со словом «более». В этом сочетании слово «более» избыточное, ненужное. Нельзя сказать: «Он одет более лучше», правильно в этом случае: «Он одет лучше».</p> <p>– Все очень даже понятно. <...></p> <p>– А раньше мне было невдомек. Я буду говорить <u>«лучше»</u>, а не <u>«более лучше»</u>. Ясное дело. Раньше мне было невдомек, а теперь уж больше никогда так не скажу. [Лондон Джек, 2020, гл. 7]</p>
---	---

В данном примере низкий уровень образования Мартина Идена проявляется в его речи в виде множественных ошибок (грамматических – *it don't*, фонетических - *an'*). Руфь же наоборот демонстрирует грамотную речь и указывает Мартину на его ошибки, объясняя ему правила языка. Эти объяснения не совсем понятны Мартину и поначалу он считает свою речь нормой, но в итоге

Руфи удалось, хоть и с трудом, донести до него суть его ошибок (в частности то, что если он использует двойное отрицание, то это противоречит тому, что он хочет сказать). Наличие контаминированной речи в репликах Мартина хоть и не привело к стопроцентной коммуникативной неудаче, но существенно затруднило взаимопонимание персонажей. В переводе контаминанты представлены заменами-компенсациями: ИЯ «*Well, then, you say, 'You was', it should be, 'You were', You say, 'I seen', for 'I saw'*». ПЯ: *Ну так вот, вы говорите «чем от кого еще» или «кого ни то еще» вместо «кого-нибудь еще»*. Перевод не является эквивалентным. В некоторых случаях контаминация передаётся с помощью компенсации. Например, в ИЯ идёт речь о контаминанте - двойном отрицании, которое встречается в речи (контаминант «*never helped nobody*»). Это объяснение в ПЯ заменяется контаминантом «*более лучший*», с дальнейшей экспликацией ошибки.

В заключении следует отметить, что в обоих рассмотренных примерах присутствует недопонимание, которое мы относим к понятию коммуникативной неудачи, поскольку наблюдается «сбой» в общении, приводящий к коммуникативному конфликту. Этот конфликт связан с социальным расслоением общества, о котором пишет Джек Лондон. При поиске переводческих решений в отношении контаминации, отражающей социальный статус говорящего и лежащей в основе коммуникативной неудачи, приоритетной трансформацией является компенсация, поскольку при её использовании смыслы конфликтов становятся доступными восприятию иноязычному читателю.

Литература

Карасик В.И. Язык социального статуса. - М.:Институт языкознания АН СССР, Волгоградский педагогический институт, 1991. - 495 с.

Рецкер Я. И. Передача контаминированной речи в переводе и роль традиции // Тетради переводчика (под ред. Л.С. Бархударова). - М.: Международные отношения. № 5. 1968. С. 92–103.

Сапов В.В. Статуса социального теории // Современная западная социология: Словарь. - М.:Политиздат,1990. - С.331-332

Швейцер А.Д. К разработке понятийного аппарата социолингвистики // Социально-лингвистические исследования. - М.:Наука,1976. – С.31-41.

Weber M. Economy and Society. An Outline of Interpretive Sociology. G.Roth, C.Wittich (Eds.). - Berkeley: Univ. of California Press,1978. - In 2 vol. – 1470 p.

Источники

Лондон, Джек. Алая чума; До Адама : [романы] / Джек Лондон; [перевод с английского Г. Злобина, Н. Банникова]. — Москва : Издательство АСТ, 2022. — 288 с.

Лондон, Джек. Мартин Иден / Джек Лондон ; [перевод с английского Р. Облонской, Н. Галь]. — Москва: Эксмо, 2020 — 448 с.

London, Jack (1949). «The Scarlet Plague». Famous Fantastic Mysteries, v. 10, n. 3, pp. 93-118.

London Jack. Martin Eden [Электронный ресурс] // E-Reading Club. URL: <https://www.e-reading.club/book.php?book=80429>